

- Ой, папа... это просто безумие.

В особняке Леррих в самом сердце Блюма Клаус раздраженно выплюнул эти слова, стоя в комнате главы семьи.

Клаус почувствовал, как по спине пробежал незнакомый холодок, более подходящий для глухой зимы, чем для весеннего дня. Солнце уже начало опускаться за горизонт, свет сумерек струился сквозь окна, отбрасывая на стену большие тени.

Клаус столкнулся с нынешним главой семьи Леррих, а также со своим отцом - Рудольфом. Хотя лицо Клауса немного побледнело, лицо Рудольфа казалось почти пепельным, когда он смотрел вниз.

- Мне стало интересно, что происходит, когда ты вдруг начал готовиться к чему-то, но это? Амбиции дяди - ничто по сравнению со всем этим. Ты хоть сам-то хоть понимаешь, что сейчас происходит?

Когда Клаус повернулся к нему, Рудольф слегка покачал головой.

- Я знаю. Но, это то, о чем знают только три главы семей, которые служат Монтчат. Это секрет, который нужно хранить, чего бы это ни стоило. По крайней мере, так сказала сестра...

- Ну да, черт возьми. Ты хоть понимаешь, чем это может обернуться?..

Рудольф поднял глаза на Клауса, который со вздохом поднял голову. В его глазах мелькнуло легкое облегчение, как будто он наконец-то мог сбросить хотя бы часть этой тяжелой ноши, внезапно взвалившейся на его плечи, на плечи Клауса. Но тот, на кого внезапно надавили, не был так же кроток, чтобы принять это.

- И какого черта ты мне это сейчас рассказываешь? Ах, черт, теперь, когда я думаю об этом...

Клаус все понял. Он всегда задавался вопросом: в чем же был смысл антагонизма Лукаса и Герды все эти годы?

Лукас был страстным и честолюбивым человеком, но вряд ли его нельзя было контролировать. Кого-то, кто всегда работал так явно в своих интересах, было бы просто заманить в ловушку. Пока Герда правильно разыгрывала свои карты, она могла позволить Лукасу делать все, что ей заблагорассудится. Но, несмотря на то, что у нее была такая возможность, Герда всегда предпочитала противостоять ему напрямую.

Если бы это был просто вопрос о наследии титула, то Лукас был бы гораздо лучшим кандидатом в качестве следующего главы семьи, чем Клаус. Клаус не собирался даже слушать о намерениях Герды, не говоря уже о том, чтобы воплотить их в жизнь. Клаус сделает то, что

будет лучше для города, в соответствии со своими принципами. Возможно, он действительно будет противостоять Герде по большинству вопросов.

Но все же Герда была полна решимости сделать Клауса наследником.

- Потому что дядя тоже имел виды на королевскую семью. Такого человека, как он, никак нельзя было сделать главой дома Леррих.

Причина, по которой Клаус был более подходящим, заключалась именно в том, что он не обладал такими высокими амбициями. Он не был слепо увлечен какой-либо целью. Он знал, что некоторые вещи важно выносить на свет с чувством справедливости, в то время как другие лучше оставить в темноте.

И этот секрет нужно было тщательно хранить в тени. Ради благополучия дома Леррих, ради Блюма... и ради самого себя.

- ...Клаус. И что мне теперь делать?

Клаус в отчаянии стиснул зубы, а Рудольф умоляюще посмотрел на него. Когда отец окликнул его такими детскими словами, выражение лица Клауса только еще больше потемнело.

Рудольф, его отец, окликнул сына, как ребенок, умоляющий о помощи.

- Сестра ушла, и я не знаю, что делать дальше. Ты ведь понимаешь это, не так ли? В конце концов, она выбрала именно тебя...

Сестра Рудольфа и тетя Клауса, Герда, была взята под стражу примерно за полмесяца до этого. Известие о том, что она якобы отравила герцога Алоиса, не заставило себя долго ждать.

Герда была истинной силой, стоящей за семьей Леррих. Но, несмотря на потерю лидера, дом не был погружен в хаос. Когда Рудольф услышал об аресте своей сестры, он не запаниковал, а вместо этого немедленно начал собирать войска. С наемниками Лукаса, которые искали нового работодателя наряду с набранными им из города рекрутами, он пообещал своим вновь сформированным войскам вместе с другими благородными семьями восстать против дома Монтчат.

Он не обращал внимания ни на возражения Клауса, ни на чьи-либо еще, и добился всего этого менее чем за две недели. Но внезапно он растерялся.

- Сестра давала мне инструкции только до этого момента. Но что мне теперь делать? Может, нам просто дать бой? Или ничего не делать? Мейерхейм говорят, что они собираются начать тотальную войну, но если я присоединюсь, сестра будет ругать меня?

Рудольф был из тех людей, которые выполняют приказы буквально. Несмотря на то, каким абсурдным и трудным должен был быть приказ Герды, ему все же удалось выполнить его в столь короткий срок. Он был искусен в перемещении рычагов локализованной власти, в этом не было никаких сомнений. С точки зрения стороннего наблюдателя, он был превосходным главой семьи.

Но сейчас он был лишь тенью этого. Даже Клаус не знал, каким жалким человеком может быть его отец. Он был полезной марионеткой, но как только кукольник ушел, он стал просто красивой игрушкой, бесполезно лежащей на полке.

Что-то в отце заставило его вспомнить об Алоисе.

Возможно, Рудольф был идеалом, к которому некоторые люди стремились для Алоиса. Если бы он никогда не встретил Камиллу, возможно, Клаус продолжал бы ненавидеть то, чем станет Алоис. Пустая оболочка, лишенная индивидуальности, которая танцевала под дудку других. Идеальный человек для кого-то вроде Герды.

- Клаус, пожалуйста, скажи мне. Конечно, ты знаешь, какой путь выбрать дальше? Вот почему сестра выбрала тебя, не так ли?

Рудольф взял Клауса за руку.

- Сестра всегда во всем права. Все, что мне нужно сделать, это последовать ее совету.

- ...Черт возьми, ты имеешь в виду, говоря "правильно"?

Клаус больше не мог сдерживаться, его низкий голос слегка дрожал. Он уже не мог понять даже собственного отца.

- Ты сделал что-то, что не уже не сможешь исправить, ты же знаешь!? Это откровенный бунт! Это измена, преступление против мира на этой земле!!

- Но, сестра сказала мне, что это был правильный поступок! Сестра никогда не ошибалась, она не может ошибиться!

- И из-за этого ты подверг риску весь наш дом! И не только наш дом! И Блюм, и даже весь Монтон, все может сгореть в огне!

- Это был не я!

Клаус чувствовал, как ногти Рудольфа впиваются ему в ладонь. Даже когда он почувствовал, как кровь стекает по его запястью, он был так взбешен, что не почувствовал боли.

- Это то, что сестра сказала мне сделать! Мейерхейм разослали свои инструкции, и семья Энде последовала их примеру! Все, что я делаю, это подчиняюсь традициям этой земли!!

- Но ты же глава семьи!

- Все что у меня есть - это статус главы!

Услышав, как напряженно звучит его голос, Рудольф прикрыл рот рукой. Он в панике огляделся, но в комнате больше никого не было. Только Клаус. И его тень становилась все больше по мере того, как солнце продолжало садиться.

- Ничего не поделаешь, разве ты не видишь?..

После выдоха голос Рудольфа совершенно изменился, словно он пытался убедить сына более елейными словами.

- Потому что, если мы не пойдем против таких вещей, то закончим как Брандт. Мы все потеряем свои позиции, нас выгонят из города, и нам придется жить в тени. Как я мог позволить этому случиться? Как глава семьи? Как отец?

- Папа.

Клаус начинал чувствовать боль от того, как сильно отец сжимал его руку.

- Эй, Клаус... ты теперь единственный, кто у меня есть.

По мере того как темнота все больше заполняла комнату, Голос Рудольфа становился все тише.

- Пожалуйста скажи мне. Я выслушаю все, что ты скажешь.

Лицо Клауса исказилось, словно он сдерживал смех. Этот человек сделает все, что захочет Клаус. Из-за этого он не заботится о правильном и неправильном, пока ему говорят, что делать.

Какое это должно быть блаженное существование.

- Клаус...

Глаза Рудольфа смотрели на него, полные надежды и ожидания.

Несмотря ни на что, Клауса выбрала Герда. Он не мог ошибиться.

Он прекрасно передаст намерения Герды, и Рудольф снова станет счастливой маленькой марионеткой. Это уберезет семью Леррих, как и самого Рудольфа, от гибельного конца.

Вот во что он верил.

- ...Ты слишком много думаешь обо мне, папа.

Но он не понимал человека, стоящего перед ним. Возможно, Клаус и сам не совсем понимал себя.

Несмотря на то, что он всегда считал своего дядю Лукаса кем-то совершенно презренным, они были похожи, по крайней мере, в одном отношении.

- Я не могу позволить всему идти так, как хочет моя тетья.

Клаус был более страстным и опрометчивым, чем он сам знал.

Стряхнув руку Рудольфа, Клаус пнул ногой ближайший шкаф. Всевозможные вещи упали на пол с полок из темного дерева, а декоративная ваза разбилась вдребезги на полу. Взяв один из зазубренных краев вазы, Клаус полоснул себя по лицу.

На этот раз боль была мгновенной, а кровь быстро просочилась за воротник. Начиная от виска и заканчивая щекой... Он сам удивлялся, насколько это больно, ведь раньше у него никогда не было такого пореза.

Рудольф тем временем был совершенно ошеломлен. Затем Клаус внезапно швырнул окровавленный кусок вазы, которым порезался, в отца. Хотя он был совершенно сбит с толку, Рудольф поймал его почти рефлекторно.

- Клаус... что ты такое...

Слова Рудольфа были заглушены внезапным звуком шагов в коридоре снаружи. Слуги, испуганные внезапным необычным шумом, ворвались в комнату.

Первое, что они заметили, когда вошли внутрь, был Клаус, кровь текла по его лицу, а также Рудольф, который держал осколок. Прежде чем слуги успели сообразить, что происходит, Клаус крикнул им:

- Задержите его! Мы разговаривали, а он вдруг напал на меня! Он сошел с ума!

Поначалу Рудольф с трудом понимал, что говорит Клаус. В ответ на слова Клауса несколько слуг тут же схватили Рудольфа. В то же время, все, что он мог сделать, это смотреть по сторонам в чистом шоке, не оказывая никакого сопротивления.

Пока Рудольфа держали на полу, Клаус смотрел на него сверху вниз, придерживая рукой рану. Даже в такой ситуации он ничего не отрицал и не защищал себя. Но, отчаянно нуждаясь в том, чтобы кто-то подсказал ему, что делать, его глаза блуждали в поисках такого человека.

- ...Я позабочусь о семье Леррих. Так что давай я займусь остальным.

Клаус сказал это Рудольфу, у которого даже не хватило духу ответить.

- Но не думай, что я позволю тебе спокойно уйти на покой. Не раньше, чем ты поймешь, что именно ты сделал!

Даже если бы они были отцом и сыном, Клаус не смог бы так легко простить Рудольфа.

Возможно, это говорило его чувство справедливости. Или, возможно, он просто разочаровался в Рудольфе как в отце. Возможно, это был его гнев в ответ на то, как Рудольф втянул всю свою семью в подобное.

...Возможно, это было для чего-то более чистого, что заставило его сделать это... например, дружба.

- Брат... ты сам это сделал, да?

Это было на следующий день после скандала. Франц, который вошел в его комнату без разрешения, сказал это Клаусу, когда тот упаковывал свои вещи.

- У тебя острый глаз, да?

Клаус ответил, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на него. Рана была забинтована, кровотечение остановилось, но шевелить губами все равно было больно.

- Это легко заметить. Это не та рана, которую кто-то другой может нанести тебе в схватке.

- Ну, может быть, ты и прав насчет этого... ты узнал об этом, когда у тебя было одно из твоих маленьких свиданий с дядей? Это удивительно полезное знание.

- Но почему ты сделал что-то подобное?

Не обращая внимания на легкомысленные слова Клауса, Франц продолжал говорить серьезно. Но Клаус не перестал собирать вещи. Большую часть его багажа составляли различные лекарства и болеутоляющие, а также немного простой еды, чтобы поесть в дороге. Ему не нужно было брать с собой смену одежды.

- Потому что это был самый милосердный способ, благодаря которому я достигну своей цели.

- Милосердный?

Франц с сомнением посмотрел на брата. С его точки зрения, поступок Клауса был далеко не милосердным. Порезав собственное лицо, он объявил своего отца сумасшедшим.

Его отец заперт в одной из комнат особняка. Несмотря на то, что прошел целый день, он не произнес ни единого слова, просто смотрел на стену, как будто свет покинул его душу.

Благодаря поведению Рудольфа, а также внезапному и почти необъяснимому сбору войск, поднявших мятеж против семьи Монтчат, домочадцам не потребовалось много времени, чтобы поверить Клаусу.

- Это был самый добрый способ быстро взять на себя управление семьей. Если бы папа был спокоен, трудно было бы кого-то убедить. Черт возьми, даже если бы папа болтал свою чепуху, как раньше, это было бы трудно, если бы кто-то не оказался обманут этим. Мне нужно держать его под охраной.

Во-первых, он никак не мог распоряжаться всем в качестве главы в обычное время. Ему нужно было немедленно взять на себя руководство, чтобы свести на нет власть Рудольфа и держать его под замком. Поступая таким образом, он соблюдает все условия сразу.

- И что же ты задумал?..

- Пока я направляюсь в столицу.

Закончив укладывать вещи, Клаус повернулся к Францу. Клаус был одет в дорожный плащ, в котором легко передвигаться. Он уже готов немедленно отправиться в путь.

- Пока меня не будет, я оставляю тебя за главного. Не забудь приглядывать за папой. Я почти уверен, что у него не хватит смелости сделать это, но убедись, что он не повесится и не попытается отгрызть себе язык. Он будет важным свидетелем.

- Брат, я не знаю, что ты вообще собираешься делать? Во-первых, что ты имеешь в виду, оставляя его мне? Я все еще под домашним арестом?

Формально Франца все еще держали под стражей из-за всего, что случилось в начале весны. Ему было запрещено выходить из дома или связываться с кем-либо извне. В лучшем случае, единственными людьми, с которыми он мог контактировать, были горничные, которые убирали его комнату, а также Клаус при случае.

- Я позабочусь об этом. Но, насколько это возможно, не позволяй никому навредить Блюму. Не борись против семьи Монтчат. Думаешь, ты справишься?

Клаус не стал рассеивать сомнения Франца. Пока Клаус продолжал говорить то, что хотел сказать, глаза Франца слегка сузились от подозрения.

Но Клаус посмотрел прямо на него. Франц вздохнул.

- Ладно, я понял. Если ты собираешься зайти так далеко, я уверен, что у тебя есть на то причины.

- Прости за все это. Ты действительно единственный, на кого я могу положиться.

С этими словами Клаус хлопнул Франца по плечу.

Затем он вышел из комнаты, ни разу не обернувшись.

На быстрой лошади он сможет добраться до столицы из Блюма после целого дня езды. Но из-за недостатка физической выносливости у Клауса, это должно занять больше времени.

Но ему нужно было спешить. Он знал, что время имеет значение.

И для Алоиса, и для фракции Герды.

<http://tl.rulate.ru/book/21119/643574>